

ПОЭТИКА МАГИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА В РОМАНЕ ТОНИ МОРРИСОН «ВОЗЛЮБЛЕННАЯ»: К ВОПРОСУ О НАРРАТИВНЫХ МОДУСАХ В ПОСТКОЛОНИАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Рахимова М.Х.

докторант Самаркандского государственного института
иностранных языков

Самарканд, Узбекистан

margubarakhimova@gmail.com

<https://doi.org/10.5281/zenodo.19678865>

Аннотация. В данной статье рассматривается магический реализм как повествовательный метод, сочетающий сверхъестественное с детально проработанной реальностью. Возникнув в художественной критике и популяризовавшись в латиноамериканской литературе, он бросает вызов западному рационализму. Анализ фокусируется на его роли в англоязычных постколониальных контекстах, в частности, в творчестве Тони Моррисон.

Ключевые слова: магический реализм, повествовательный модус, жанр, феноменальный мир, фольклор.

В таких романах, как «Возлюбленная», Моррисон использует магические элементы, берущие начало в афроамериканском фольклоре, для воскрешения забытых историй и переосмысления травмы рабства. Утверждая культурную реальность этих мифов, она использует магический реализм как инструмент для возвращения маргинализированных голосов и формирования культурной памяти, выходя за рамки простого литературного приёма и становясь актом исторической справедливости.

Магический реализм (далее МР) представляет собой выдающийся и сложный повествовательный модус современной мировой литературы, характеризующийся органичным сочетанием необыкновенных или сверхъестественных событий с тщательно воспроизведенной реальной действительностью. Концептуально зародившись в немецкой художественной критике 1920-х годов и получив широкое литературное развитие благодаря латиноамериканским писателям, МР оказал глубокое воздействие на англоязычную литературу, особенно в постколониальном, межкультурном и феминистском контекстах [1, p. 15].

Магический реализм осваивает сложное пространство одного из самых популярных жанров современной литературы, искусства и кино. Начиная с 1980-х годов, связанные понятия – «магический реализм» (*magic realism, magical realism*) и «чудесный реализм» (*marvellous realism*) – одновременно приобрели как популярность, так и спорный статус [2, p. 3]. Основная трудность в изучении данного концепта заключается в его оксюморонной природе, выражающей принудительное соединение взаимоисключающих категорий – магического и реального. Мэгги Энн Бауэрс определяет свой исследовательский подход посредством обобщающего термина «магический реализм» (*magic(al) realism*), охватывающего все эти родственные понятия, признавая при этом, что чрезмерное и нестрогое употребление данных терминов критиками нередко сводило их к расплывчатым клише [1, p. 17].

История магического реализма восходит к началу 1920-х годов. Впервые этот термин был введён немецким художественным критиком Францем Ро в 1925 году для обозначения нового направления пост экспрессионистской живописи “Magischer Realismus” [3, p. 35]. Однако значение термина претерпело существенные изменения, когда в середине XX века он был воспринят в Латинской Америке для описания повествовательной прозы, став международно известным благодаря таким писателям, как Габриэль Гарсиа Маркес [4, p. 8].

В рамках литературной критики магический реализм целесообразнее рассматривать не как строго определенный жанр, а как особый повествовательный модус. Этот модус предлагает возможность осмысления альтернативных способов восприятия реальности, выходящих за пределы западной рационалистической философии, что делает его особенно значимым для прозы конца XX и начала XXI века, прежде всего в постколониальном и межкультурном англоязычном письме. Настоящая статья призвана очертить определяющие поэтические особенности данного модуса и исследовать его уникальную функцию в английской литературе, сосредоточив внимание на произведениях Тони Моррисона.

Произведения, относимые к магическому реализму, как правило, обладают рядом специфических структурных и тематических особенностей. Венди Фэрис выделила ключевые характеристики магического реализма как глобального повествовательного модуса, к числу которых относятся:

1. Неустрашимый элемент магического – наличие в тексте явлений или событий, которые невозможно объяснить с точки зрения рациональной логики.

2. Сильное присутствие феноменального мира – детализированное, почти документальное воспроизведение реальности, в которую органично вплетаются чудесные элементы.

3. Наличие тревожащего сомнения у читателя, возникающего при попытке примирить противоречивые интерпретации событий [4, p. 8].

4. Слияние различных сфер бытия – таких, как жизнь и смерть, физическое и метафизическое, реальное и воображаемое.

5. Склонность к подрыву устоявшихся представлений о времени, пространстве и идентичности, что открывает возможности для многослойного восприятия реальности [5, p. 13].

В Соединённых Штатах магический реализм был воспринят межкультурными женщинами-писательницами, среди которых особенно выделяется Тони Моррисон. Её романы, такие как Песнь Соломона (Song of Solomon) и Возлюбленная (Beloved), в значительной степени опираются на афроамериканскую устную культуру и мифологию, истоки которых нередко восходят к западноафриканскому культурному наследию.

Тони Моррисон использует магический реализм для осмысления глубоко политической и исторически значимой проблемы – проблемы «заглушённых» нарративов, лишённых голоса в доминирующем историческом дискурсе. Её творчество направлено на формирование культурной памяти афроамериканцев, способной помочь осознать их прошлое, достижения и обстоятельства существования, особенно в контексте травмы рабства.

Магические элементы в её произведениях – появление призрачной фигуры (Beloved) или мужчин, способных летать, – укоренены в афроамериканском фольклоре. Так, мотив «летающего африканца» восходит к мифу о рабах, которые после смерти возвращались на родину, перелетая океан.

Моррисон оправдывает использование подобных мифов, апеллируя к их культурной подлинности. Подобно утверждению Габриэля Гарсиа Маркеса: «Я – реалистический писатель, потому что верю, что в Латинской Америке возможно всё, всё реально» [6, p. 31], Моррисон выражает веру в реальность мифов собственной культуры. Она отмечала, что рассказ о чёрных людях, умеющих летать, всегда был частью фольклора её жизни, говоря:

"I don't care how silly it may seem...everywhere...people used to talk about it, it's in the spirituals and gospels. Perhaps it was wishful thinking... But suppose it wasn't?" [7, p. 122].

«Мне всё равно, насколько нелепо это может показаться... повсюду об этом говорили, это звучит в спиритуалах и госпелах. Возможно, это было просто мечтательное желание... А что, если нет?»

Таким образом, Моррисон использует магический реализм как способ восстановления исторической справедливости и возвращения памяти утраченного культурного опыта афроамериканского сообщества.

References:

1. Bowers, M. A. (2004). Magic(al) realism: The new critical idiom. Routledge.
2. Rajabi, A., Azizi, M., & Akbari, M. (2020). Magical Realism: The Magic of Realism. Rupkatha Journal, 12(2), 1-13. <https://dx.doi.org/10.21659/rupkatha.v12n2.18>
3. Kostadinović, D.D. (2018). «Unexpected alternation of reality»: Magical realism in painting and literature. FACTA UNIVERSITATIS Series: Visual Arts and Music, 4(2), 35-48. <https://doi.org/10.22190/FUVAM1802035K>
4. Zamora, L.P., & Faris, W.B. (Eds.). (1995). Magical realism: Theory, history, community. Duke University Press.
5. Camayd-Freixas, E. (2013). Theories of magical realism. In I. R. Chela (Ed.), Critical Insights: Magical Realism (pp. 3-24). Salem Press.
6. García Márquez, G., & Vargas Llosa, M. (1968). La novela en América Latina: Diálogo [The Novel in Latin America: A Dialogue]. Carlos Milla Batres.
7. LeClair, T. (1994, November 11). «The language must not sweat»: A conversation with Toni Morrison. The New Republic.